

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXVII

АФРИКА
(География, история, культура, экономика)

Москва
Главная редакция восточной литературы
1991

М. И. Шевчук

**СТАНОВЛЕНИЕ И ФОРМЫ АНТИКОЛОНИАЛЬНОЙ БОРЬБЫ
В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ
(1918—1939)**

Период 1918—1939 гг. сыграл большую роль в социально-экономическом, политическом и этническом развитии Восточной Африки. В это время здесь возникли первые просветительские и общественно-политические организации, которые своеобразно сочетались с традиционными и колониальными институтами управления. Указанный период характеризовался становлением национально-освободительного движения, которое уже после второй мировой войны привело народы региона к независимости.

Появление общественных и политических организаций современного типа в Африке происходило в условиях, когда основная масса населения колоний сохраняла социальную структуру, а также уровень развития общественного сознания, характерные для доклассовых и раннеклассовых обществ. Это наложило отпечаток как на принципы построения организаций, так и на формы их политической борьбы.

Изучение начального этапа антиколониального движения необходимо не только для более глубокого понимания истории политического развития стран Восточной Африки и континента в целом. Оно также поможет объяснить многие события, которые произошли в социально-экономической и политической жизни народов региона в новейшее время, более точно расставить акценты при оценке современной ситуации во многих странах Тропической Африки.

Первые отечественные исследования Восточной Африки относятся к 20—30-м годам нашего столетия. Ей посвящены работы Б. А. Александрова, А. В. Зусмановича, И. Л. Попова-Ленского, И. И. Потехина и др. В 60—80-е годы советские африканисты (Д. А. Ольдерогге, А. С. Балезин, М. И. Брагинский, Л. С. Владимиров, Н. М. Гиренко, А. А. Жуков, Р. Н. Исмагилова, В. К. Карпов, В. Я. Кацман, Н. Д. Косухин, Н. А. Ксенофонтова, Ю. В. Луконин, В. М. Мисюгин, В. Е. Овчинников, В. П. Панкратьев, И. Е. Сеницына, С. Р. Смирнов, И. И. Филатова и др.) опубликовали ряд монографий, очерков и статей по истории региона. Основной акцент в них сделан на события

после второй мировой войны либо до первой мировой войны.

В работах Н. А. Ксенофонтовой, Ю. В. Луконина, В. Е. Овчинникова, В. П. Панкратьева и И. И. Филатовой частично исследуются проблемы становления антиколониальных сил в форме политических и общественных организаций. Но для более полного освещения освободительного движения в Восточной Африке межвоенного периода необходимо изучение и других его форм, таких, как выступления африканцев Уганды и Танганьики против создания Восточноафриканской федерации под эгидой Кении, движение за церковь нового типа. Данная статья в какой-то мере восполняет пробел в комплексном исследовании становления и форм антиколониальной борьбы народов региона.

До первой мировой войны антиколониальное движение в Восточной Африке носило характер массовых крестьянских выступлений, во главе которых обычно стояли представители традиционной общинно-родовой верхушки (вожди племен или союзов племен, стремящихся к образованию собственного государства, старейшины и т. д.). Так, на территории Германской Восточной Африки в связи с экспроприацией земель и регулярным использованием принудительного труда коренного населения, жестоким угнетением и произволом, чинимым германскими властями, произошел целый ряд народных восстаний. Особенно известны восстания, которыми руководил Бушури (1886—1889), война народа вахехе во главе с вождем Мквава (1891—1898), восстание «Маджи-Маджи» (1905—1907). На территории Уганды в 1897 г. вспыхнуло антиколониальное восстание во главе с кабакой Мванга, продолжавшееся до 1899 г., и в этом же году восстание подняли баньоро. Они штурмовали английский форт в Хоиме, напали на католическую миссию, изгнали вождей баганда, находившихся на службе у колонизаторов.

После установления господства метрополий, в первый период новейшего времени в истории Африки освободительная борьба приобретает формы движения за либерализацию существующей системы колониального управления. Коренное население требует предоставления ему определенных прав — экономических (право самостоятельно выращивать экспортные культуры, свободно торговать), муниципальных (избирать и быть избранным в органы власти), образовательных (преподавать в светских школах), — распространения буржуазно-демократических свобод метрополии на колонии. Оно ведет борьбу против различных злоупотреблений колониальной администрации и проявлений расизма [1, с. 6]. Во главе этих движений выступают уже не вожди и старейшины, а представители формирующейся национальной буржуазии. Основной движущей силой являются в основном средние городские слои, делающие попытку приобщить к движению крестьянство.

Формы антиколониальной борьбы в межвоенный период в Восточной Африке были в основном пассивные: подача пети-

ций, побеги с работы, участие в различных собраниях, где выдвигались требования улучшения жизни африканцев, выступления против создания Восточноафриканской федерации.

План создания федерации возник в начале 30-х годов, с целью его реализации был организован ряд комиссий, в которые вошли представители английского правительства. Сама идея была не нова. В свое время еще Г. Джонсон предлагал объединить Кению и Уганду на экономической основе, но вместо этого Восточная провинция Уганды отошла к Кении. В послевоенный период эта идея была возрождена тогдашним министром колоний Л. С. Эмери, который верил, что, если создать федерацию, экономические выгоды возрастут. «Небольшие территориальные единицы надо объединить в более крупные,—писал он,—которые смогут лучше удовлетворять потребности империи» [7, с. 311].

В 1924 г. первое лейбористское правительство (премьер-министр Р. Макдональд) отправило комиссию под руководством Ормсби—Гора в Восточную Африку. После посещения Танганьики, Уганды, Кении и других английских территорий комиссия представила отчет с рекомендациями об улучшении управления экономическим развитием, налогообложением, а также о совершенствовании социальных отношений между африканцами и остальными народами, населяющими Восточную Африку.

Комиссия Ормсби—Гора высказалась за объединение Кении, Уганды и Танганьики в Восточноафриканскую федерацию и внесла предложение создать верховный орган в составе губернаторов этих стран. Таким органом стала созданная в 1927 г. комиссия губернаторов, которая координировала все шаги колониальных администраций в интересах прежде всего белых поселенцев [3, с. 423]. Но проект создания федерации вызвал некоторые опасения. Во-первых, во главе ее стала бы Кения, где было наибольшее число белых поселенцев и местные власти могли распоряжаться полностью и бесконтрольно. Танганьика была подмандатной территорией, и это ограничивало возможности метрополии, тем более что страны-соперницы следили за действиями англичан на этой территории, особенно Германия, так как Танганьика раньше была ее колонией. Во-вторых, было очевидно, что в результате создания федерации возросло бы экономическое, а с ним и политическое положение плантаторов, которые в перспективе могли бы добиться создания доминионов.

В 1927 г. министр колоний Эмери направил комиссию в Кению, Танганьiku и Уганду для выяснения всех вопросов, связанных с организацией федерации. Комиссию возглавил Х. Янг. Метрополия пыталась усилить контроль над Танганьикой и Угандой. Для этого сначала правительство Англии предлагало учредить пост генерал-губернатора будущей федерации, который имел бы право непосредственно контролировать и, если понадобится, вносить изменения в ее законодательство. Прави-

тельство Англии при этом играло бы роль судьи по многим спорным вопросам.

Протесты против создания такого «союза» последовали в первую очередь со стороны белых — крупных чиновников в Восточной Африке. Губернатор Танганьики Д. Камерон в союзе с группой Олдхема—Лугарда энергично доказывал, что положение в Танганьике должно оставаться без изменения [10, с. 51]. В ходе борьбы противники создания федерации высказали опасение по поводу признания со стороны африканского населения будущего влияния кенийских белых поселенцев.

Если в Танганьике бóльшую активность против создания федерации проявили белые колонисты, то в Уганде в этой борьбе принимали участие и африканцы. Враждебное отношение жителей Буганды к кампании за образование Восточноафриканской федерации объяснялось прежде всего их стремлением сохранить автономию. Комиссия Ормсби—Гора начала свою работу в 1924 г., и начиная с этого времени до создания Объединенного особого комитета по вопросам будущей федерации в 1931 г. кабаки и люкико (местный парламент) всегда высказывались против образования федерации в меморандумах губернатору и министру иностранных дел. О том, какую роль племенной сепаратизм играл в создании такого отрицательного отношения, свидетельствует письмо кабаки министру иностранных дел Великобритании в 1927 г. «Какую бы форму в конце концов ни приняла предлагаемая федерация,— писал он,— нет никакой надежды, что жители Буганды и конституция нашего королевства что-либо от этого выиграют... Королевство Буганда — относительно очень маленькая страна, и ее значение ощущается только в свете ее положения в протекторате Уганды и ее статуса среди других народов, образующих протекторат... Буганда вследствие этого должна занимать самое важное место среди народов протектората. С другой стороны, очевидно, что в предполагаемой федерации британских восточноафриканских владений значение Буганды непременно пропорционально уменьшится... Существующий статус Буганды... наверняка будет упущен из виду, так как в предполагаемую федерацию будет включено огромное число разных народов и племен со своим относительным значением» [8, с. 255].

Уместно привести мнение Стенли Томкинса, высокопоставленного британского администратора в Уганде, о политике Англии в Буганде: «Бугандийское соглашение остается центральным фактом управления в Уганде, если только британское правительство не готово отступить от своих торжественных заверений и считать его аннулированным и не имеющим силы. Это предложение (по объединению Уганды и Восточноафриканского протектората.— М. Ш.) не может рассматриваться как серьезное предложение... Условия в двух протекторатах почти полностью различны... Многие путешественники, миссионеры и другие отмечали, что по пересечению озера (оз. Виктория.—

М. Ш.) они, казалось, попадали в совершенно другую страну. Отношения, существующие между администрацией и гражданским населением, несколько не похожи на отношения между этими же сторонами в Восточноафриканском протекторате. Национальные правительства обладают здесь значительной властью, и не будет слишком сильно сказано, что вся структура управления совершенно отлична от структуры в Восточноафриканском протекторате и требует специальных знаний... Что же касается национальных правительств, я знаю, что они возражают против любого объединения... Опытные администраторы данного протектората согласны в том, что наилучшим методом развития страны являются действия посредством национальных правительств и что эти правительства... должны поддерживаться и укрепляться любым возможным способом...» [9, с. 41—42].

В октябре 1929 г. некто Юсуфу Бамута пишет секретарю колониальной администрации, «объясняя» ему статус Буганды в соответствии с соглашением и утверждая, что «ограничение власти туземного правительства со стороны колониальной администрации противоречило бы соглашению и ее деятельность была бы определена как некомпетентная». В конце он утверждает, что «фактически король является главой суверенного государства» [9, с. 83].

Более важным фактором, обусловившим отрицательное отношение жителей Буганды к идее федерации, была боязнь, что кенийские переселенцы смогут влиять на их жизнь и распоряжаться их землей. С точки зрения простых африканцев, европейское поселение означало отчуждение земли и преобладающую или по крайней мере очень непропорциональную политическую власть в руках поселенцев. Эти опасения были главным препятствием на пути любых попыток добиться межтерриториальной кооперации. Кабака Буганды высказался весьма определенно по данному вопросу, выразив мнение большинства жителей страны: «Я всегда боялся, что образование Федерального совета... неблагоприятно скажется на существующем статусе и положении Уганды, так как наверняка такой совет будет состоять из большого числа неофициальных лиц, представляющих различные группы иммигрантов... Нет необходимости указывать, что интересы иностранцев и иммигрантов любой страны неизбежно находятся в противоречии с интересами коренных жителей» [8, с. 256].

Если сепаратизм Буганды помогает объяснить ее реакцию на попытки создания федерации, то сама эта кампания лишь усиливала бугандийский сепаратизм. Африканцы не имели какой-либо возможности бороться против федерации в масштабе всего протектората. В Законодательном совете они не имели своих представителей, на данном этапе не существовало общегугандийского патриотизма. Однако противостояние нежелательному для них объединению, несомненно, способствовало

укреплению их этнополитических связей. Более того, особый статус, гарантируемый англо-угандийским соглашением 1900 г., давал им законное основание для борьбы против предлагаемой федерации. В одном из выступлений омуваника Буганды Сервано Кулубья сказал: «Англо-угандийское соглашение — кровь нашей нации... наше единственное желание, чтобы нас оставили в покое и позволили жить, как мы жили после торжественного обещания, которым было отмечено подписание соглашения» [8, с. 551].

В течение непродолжительного периода в конце 20-х годов казалось, что сторонники федерации, возглавляемые Эмери, смогут добиться своего. Эмери был явно разочарован, что комиссия Хинтона Янга в 1929 г. высказалась против федерации, и через несколько месяцев он послал нового уполномоченного, проинструктировав его, как наиболее эффективно можно достичь соглашения. Однако в последний момент уполномоченному были даны новые инструкции, с тем чтобы он мог решить на месте, есть ли смысл бороться за создание федерации. Этим уполномоченным был Самюэль Уилсон. Изучив вопрос, он посоветовал назначить Верховного комиссара, который стал бы главным советником министра иностранных дел по «туземной» политике. Кроме того, он порекомендовал образовать Законодательный совет, который оказывал бы помощь Верховному комиссару.

Парламент Буганды отреагировал на это резко отрицательно и обратился с петицией к министру иностранных дел Британии, требуя принять парламентскую делегацию. Однако министр иностранных дел отказал в этой просьбе, заявив, что «точка зрения кабаки и правительства Буганды ему хорошо известна и они не должны бояться, что их протест будет проигнорирован и положению местного правительства будет грозить опасность» [8, с. 257].

Ответ министра иностранных дел не успокоил кабаку и его министров. Он был неопределеннее, чем то заверение, которое они получили в 1922 г. Оно было сформулировано следующим образом: «Министр колоний попросил проинформировать вас, что, если будет решено принять какие-то меры для обеспечения более тесной координации колониальных администраций Восточной Африки в виде федерации или как-то иначе, вы можете быть уверены, что не будут предприниматься действия, нарушающие англо-угандийское соглашение 1900 г., и что в любом случае не предполагается распространить на королевство Буганда или протекторат Уганда юрисдикцию какого-либо внешнего законодательного органа в Восточной Африке или как-то уменьшить ответственность министра иностранных дел за управление протекторатом» [8, с. 258].

Не исключая в конечном счете возможности образования федерации, жители Буганды и их лидеры начали выдвигать условия вступления в нее, рассчитывая добиться статуса, за-

щищаемого англо-угандийским соглашением. Кабака обратился к специальному уполномоченному провинции с просьбой, чтобы по крайней мере «независимо от того, какая политика в отношении африканцев будет проводиться администрацией этих объединенных территорий, никто не вмешивался во внутреннее местное управление королевством Буганда, как это оговаривалось в англо-угандийском соглашении» [8, с. 258].

На следующий год в меморандуме Объединенному особому комитету кабака потребовал, чтобы королевство Буганда было исключено из ведения предполагаемой комиссии губернаторов и Британия назначила специального уполномоченного, который бы отвечал за внутреннее управление этой страной только перед правительством империи.

Учитывая сопротивление со стороны жителей Восточной Африки, и в первую очередь европейских плантаторов, идее создания федерации, Эмери посылает туда своего заместителя С. Вильсона. Вильсон не вынес из этой поездки ничего нового, кроме того, что ему пришлось по многим вопросам согласиться с белыми поселенцами Танганьики и Уганды. После своего возвращения он представил отчет второму лейбористскому правительству, которое вынесло решение не торопиться с созданием федерации. Итак, кампания по объединению восточноафриканских территорий, начатая в 20-е годы, в начале 30-х годов потерпела поражение. И хотя роль коренных жителей Танганьики и Уганды в этом была невелика, можно говорить о том, что уже в 20—30-е годы складывались предпосылки совместного сопротивления африканцев Восточной Африки английскому колониальному господству.

Одной из форм антиколониального движения явилось сопротивление африканцев догмам христианства. В 1931—1935 гг. христианские миссии в Восточной Африке переживали кризис. Фонды католической церкви, направляемые сюда, сократились наполовину. Не лучше было положение и в других миссиях.

Среди африканцев Танганьики началось движение за церковь нового типа, которая в большей степени отвечала бы традициям и устоям африканского общества. То там, то здесь возникали псевдохристианские церкви. Верующие отказывались подчиняться своим бывшим пасторам. Многих объединяло в этом движении отстаивание права многоженства (традиционного семейного права). Самым сильным из новых религиозных течений стал эклектизм, состоявший из смешения старых африканских обрядов, не отрицавший колдовства, утративший основные догмы христианства, но сохранивший ряд его внешних признаков. Ислам также претерпел изменения. Так, в церемониях участвовали женщины, применялись африканские барабаны и т. д. Коран уже не был догмой.

В Кении местные жители выступали за сохранение обрядов, культуры, традиций. Большое распространение получило движение за создание независимых школ. Африканцы стреми-

лись вывести их из-под контроля как миссионеров, так и колониальной администрации.

Одной из самых действенных форм антиколониальной борьбы в период между мировыми войнами в странах Тропической Африки было создание общественно-политических организаций коренного населения. В большинстве своем они строились на этнической основе, и вся их деятельность была направлена на удовлетворение требований только определенного этноса. На данном этапе еще не выдвигался лозунг ликвидации системы колониального порабощения. «Перед второй мировой войной,— писал К. Нкрума,— в различных частях колониальной Африки происходило множество политических демонстраций и стачек. Их лозунги чаще всего сводились тогда к требованию реформ; в то время мало кто предвидел, что у нас возникнут национальные политические партии, которые потребуют независимости» [2, с. 86]. Но в этот период «заметно интенсифицировался процесс политизации общественной жизни в колониях. Под напором национально-освободительного движения колониальная администрация вынуждена была соглашаться на легализацию в отдельных странах партий и признавать за коренным населением право на образование различных общественных организаций» [4, с. 7]. Однако эти организации в большинстве случаев оставались аморфными образованиями без четкой программы (чаще всего вообще без какой-либо программы) и не пользовались широкой поддержкой масс. Некоторые общественные организации африканцев облекались в религиозно-мистическую форму, а их лидеры провозглашались мессиями, пророками или святыми.

В Западной и Центральной Африке представители местной интеллигенции приняли участие в панафриканском и гарвистском движениях, центры которых находились за пределами континента. На определенном этапе эти движения оказали влияние на антиколониальную борьбу. В Восточной Африке панафриканизм и гарвизм в межвоенный период не получили распространения.

В целом первые общественно-политические организации коренного населения в Восточной Африке были слабы и разобщены, имели реформистский характер, выдвигая задачи «улучшения» и «демократизации» колониального режима. Их деятельность в период между мировыми войнами была закономерна и присуща всем общественно-политическим организациям Тропической Африки. В ходе второй мировой войны, под влиянием исторических побед над фашизмом, решающий вклад в которые внес Советский Союз, в антиколониальной борьбе народов Восточной Африки наступил качественно новый этап. Под руководством массовых политических партий, образованных в годы войны и после ее окончания, народы региона добились политической независимости.

Л и т е р а т у р а

1. *Куббель Л. Е., Туполев Б. М.* Антиколониализм в африканской общественной мысли: идеи и люди.— Антиколониальная борьба и общественная мысль в Тропической и Южной Африке. М., 1983.
2. *Нкрума К.* Африка должна объединиться. М., 1964.
3. Новейшая история Африки. М., 1968.
4. Политические партии современной Африки. М., 1984.
5. *Bennet G.* Kenya: A Political History. L., 1963.
6. *Iliffe J. A.* A Modern History of Tanganyika. L., 1979.
7. *Indham K.* A History of East Africa. L., 1962.
8. *Low D. A., Pratt R. C.* Buganda und British Overrule. 1900—1955. London — New York — Nairobi, 1960.
9. *Low D. A.* The Mind of Buganda Documents of the Modern History of an African Kingdom. Berkeley and Los Angeles, 1971.
10. Sidney Webb and East Africa. Berkeley and Los Angeles, 1962.